
САЯТ-НОВА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

Путь Саят-Новы к русскому читателю начался не совсем обычно. Обычно ведь знакомство иноязычного читателя с писателем или поэтом другого народа происходит через переводы. Но когда русский читатель узнал это имя, не было не только переводов, Саят-Нова вообще еще не был издан. За год до выхода в свет в Москве стараниями Геворга Ахвердяна первого армянского сборника ашуга в тифлисской русской газете «Кавказ» (1851, №№ 1, 2) была напечатана статья о Саят-Нове известного русского поэта Якова Полонского¹. Полонский в то время жил в Тифлисе и был в близких отношениях со многими тифлисскими интеллигентами, в том числе и Г. Ахвердяном. А Г. Ахвердян с 1848 года увлеченно работал над подготовкой к изданию рукописной тетради песен Саят-Новы – его «давтара». Он и открыл Полонскому поэзию Саят-Новы. Знакомясь с очерком Полонского сегодня, спустя более чем полтора века со времени его написания, можно только поразиться тому, как русский поэт, не зная языка оригинала, только через беседы с Г. Ахвердяном смог так глубоко и тонко почувствовать силу и характер песен армянского ашуга, их отличительные особенности. Так, он отметил «то высоконравственное, иногда религиозное чувство, которое, будучи разлито в его песнях, резко отличает их от чувственно-сладких, знойных песен Ирана»; подчеркнул, что «Саят-Нова – поэт чисто лирический и, быть может, слишком личный, по понятиям нашего времени». «Чувствуешь неволью, – писал Полонский, – как этот человек должен был страдать, потому что он был выше своих современников». Эти суждения проиллюстрированы прозаическими переводами отдельных песен. Очень интересны и наблюдения Полонского о характере поэтического мышления Саят-Новы. «Для его импровизаций, – отмечал автор, – не было иных законов, кроме законов, мгновенно подчиняющих язык порывам минутного внушения. Между отдельными куплетами, во многих песнях его, нет никакой видимой связи – мысль последующая иногда не вытекает из предыдущей, но зато никогда почти не изменяется тон его песни, – выдержанный с начала до конца как выражение преобладающего чувства; этот тон дает единство каждому из его стихотворений и заставляет невольно уходить в глубину его сердца, чтобы там искать внутренней связи как бы случайно выброшенных мыслей». Отметил Полонский и то, что язык песен Саят-Новы – «...язык простонародный, понятный каждому сословию. В нем нет ничего книжного. Достоинство его песен – необыкновенная сила, сжатость и гармония стиха».

Очерк Я. Полонского, написанный удивительно искренне, лирично, вдохновенно, стал, таким образом, первым критическим словом об армянском ашу-

¹ Эта статья опубликована в качестве приложения в кн.: **Богомолов И.** Армения в творчестве Якова Полонского. Ер., 1963. Цитируется по данному изданию, с. 113-122.

ге; причем со временем многие его оценки не оказались устаревшими. Вспомним, что спустя шесть десятилетий, в 1913 году, Ованес Туманян в статье «О характере песен Саят-Новы» привел довольно пространный фрагмент из Полонского, завершая свою цитату следующими словами: «Конечно, русскому поэту, мало знакомому с нами и во многом нам чуждому, трудно полностью постигнуть и понять наш дух и творчество наше, и особенно Саят-Новы. Но и он заметил особый характер его песен, и я сказал о его мнении и впечатлении, чтобы еще больше подчеркнуть этот характер песен Саят-Новы, в которых так отчетливо видны его доброта, нежное сердце и честная, глубокая душа, – и всё это у него совершенно здоровое и цельное»². А спустя еще семь десятилетий В. Налбандян в своей вступительной статье к русскому изданию Саят-Новы высоко оценил очерк Полонского, отметив не только его историко-литературное значение, но и то, что многие мысли и суждения автора «...и сегодня, несмотря на огромные достижения науки о Саят-Нове, в определенном смысле сохранили свою научную ценность и современное звучание»³.

Но примечательно другое: творчество армянского ашуга оказало на Полонского глубокое эмоциональное воздействие, вдохновило как поэта: его статья завершалась стихотворением, навеянным мотивами песен Саят-Новы. В нем явственно улавливаются его характерная интонация и особая поэтическая манера выражения своих чувств:

Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.
Много и песен умчит навсегда невозвратное время, –
Новые встанут певцы, и услышит их новое племя.
Если погибну я, знаю, что мир мои песни забудет,
Но для тебя, нежный друг мой, другого певца уж не будет.
Если погибну я, знаю, что свет не заметит утраты;
Ты только вспомнишь те песни, под звуки которых цвела ты.
Я просветил твое сердце, а ты – ты мой ум помрачила;
Я улыбаться учил – а ты плакать меня научила.
Так, если смолкну я, страстно любя тебя, друг благородный,
Так разреши мне последний вопрос мой – где будет холодный
Прах мой покоиться? Там ли – в далеких пределах чужбины;
Здесь ли, в саду у тебя, близ тебя, под навесом раины?..⁴

² Туманян О. Избранные произведения в трех томах. Т. 3, Ер., 1969, с. 204.

³ Налбандян В. Певец человека и любви // Саят-Нова. Стихотворения. Л., 1982, с. 35 («Библиотека поэта», Большая серия).

⁴ В примечаниях к вышеназванному русскому изданию Саят-Новы 1982 года Г. Татосян отмечает, что стихотворение Полонского было написано по мотивам песни «Դու՛ն է՛ն գլխե՛ն իմ աստղի՛ն իմ...» (с. 183). Нам это представляется не совсем убедительным. Дело в том, что можно найти только один мотив, лишь в некоторой степени сходный в обоих стихотворениях, – в их заключительных строках. В целом же стихотворение Полонского навеяно, на наш взгляд, его общим впечатлением от песен Саят-Новы. Заметим, что сам автор предваряет свое стихотворение следующими словами: «В заключение статьи моей предлагаю стихотворение, написанное **под влиянием** одной из песен Саят-Нова. Не смею назвать стихи мои переводом, когда я писал их, я только помнил мотив и **давал полную волю своей фантазии**» (с. 122; выделено мною. – М. Д.). «По мотивам» и «под влиянием» – это разные понятия.

И еще один примечательный факт: стихотворение Я. Полонского перешагнуло географические рамки Кавказского региона: в том же 1851 г. оно было опубликовано в Петербурге, в журнале «Отечественные записки» (№ 7, с. 65), под названием «Саят-Нова». И потом печаталось во всех собраниях сочинений Полонского. Так что русский читатель, даже еще не познакомившись с самими песнями Саят-Новы, уже по творчеству Полонского знал, что был такой армянский поэт. Характерно в этом отношении признание известной переводчицы армянской поэзии Веры Звягинцевой. В своей статье «Высокая любовь» (1963) она писала: «Саят-Нова... Это имя я увидела в ранней молодости в книге русского поэта XIX века Якова Полонского. Полонский жил одно время на Кавказе, где узнал о великом певце, и написал стихотворение “Саят-Нова” в манере, в стиле нашего любимого поэта»⁵.

А первый русский поэтический перевод из Саят-Новы появился спустя два года после издания сборника Г. Ахвердяна. В 1854 году в Москве вышла в свет книга переводов Николая Берга «Песни разных народов». В сборник вошел и его перевод песни Саят-Новы «Սայտի՛ն քո՛ քիւն, դարձի՛ր բըրնո՛ւլ».

Свои принципы перевода народной поэзии Берг сформулировал в предисловии к названному сборнику: «...В народном языке, – писал он, – всего нужнее свобода слова. Нужно, чтобы все было народно, откликлось бы сердцу вашего народа так, как откликается подлинник сердцу того, кому он свой, чтобы ничто чуждое не останавливало, не цепляло»⁶. В целом следование этому принципу ощущается и в его переводе Саят-Новы, при этом сохранены интонация оригинала, его формальные особенности.

После 1854 г. переводы отдельных песен Саят-Новы стали появляться лишь к концу столетия, к примеру, в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1898), а позже, в середине 10-х гг. XX века – в журнале «Армянский вестник», издававшемся в Москве; в двух сборниках «Армянские поэты. В переводах С. Я. Шарти» (Саратов, 1916; Тифлис, 1917)⁷ и др. Однако только знаменитая антология Валерия Брюсова «Поэзия Армении» (М., 1916) открыла русскому читателю Саят-Нову как ярчайшую поэтическую индивидуальность. В ней было помещено 12 стихотворений Саят-Новы в переводах самого Брюсова. Переводы эти достаточно подробно исследованы и высоко оценены армянскими литературоведами. Но, думается, до сих пор еще недостаточно оценена и подчеркнута роль Брюсова как критика, по-новому раскрывшего значение поэзии Саят-Новы, выявившего отличительные черты его поэтики. Чтобы нагляднее показать эту роль, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть брюсовские оценки на фоне критических суждений о Саят-Нове в армянской действительности середины 1910-х годов. Вспомним, что после издания Г. Ахвердяна фактически более чем полвека творчество Саят-Новы было как-то задвинуто в тень; оно не становилось предметом изучения. Интерес к его

⁵ Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арарату... Стихи, статьи, письма. Ер., 1998, с. 125.

⁶ Берг Н. Песни разных народов. М., 1854, с. XII.

⁷ Подробнее об этом см. примечания Г. Татосяна к изданию песен Саят-Новы 1982 г, с. 181–188.

поэзии вспыхнул с новой силой благодаря деятельности Кавказского общества армянских писателей, возглавляемого Ов. Туманяном. Именно по инициативе Общества было решено ознакомить широкую общественность с древней и средневековой армянской литературой. В течение 1913–1914 гг. состоялось несколько литературных вечеров, посвященных Саят-Нове, где выступали Ов. Туманян, Н. Агбалян, Лео, Д. Демирчян...⁸ Содержание их докладов, речей подробно освещала армянская периодика, в частности, газета «Оризон»; печатались и статьи. По этим материалам можно представить, какие вопросы жизни и творчества Саят-Новы обсуждались в то время и как они трактовались. Это были вопросы, связанные с биографией поэта, мысли о значении его творчества как великого певца народов Кавказа; выделялись отдельные мотивы его поэзии – любовные, философско-назидательные и др.; при этом отмечались пламенный темперамент, сила, искренность и глубина чувств, объединяющие эти разные мотивы, нравственная высота и благородство, идущий от народных истоков здоровый дух его песен, оказывающих удивительно сильное воздействие. «Кто послушал его хоть раз, – писал Ов. Туманян, – тот слушает его вновь с еще большей любовью»⁹. Затрагивались и вопросы языка армянских песен Саят-Новы, созданных на тифлисском наречии, в котором было множество персидских, арабских, тюркских, грузинских слов; а также вопросы влияния восточной, в частности персидской, поэзии на его песни, особенно в плане тонкости искусства, сложности формы; отмечались красочность языка, свежесть образов, художественное совершенство.

Что же нового привнес в оценку поэзии Саят-Новы В. Брюсов? Прежде всего, и это, пожалуй, самое важное, **он оценил творчество армянского поэта вне национальных рамок, подчеркнул его общечеловеческое значение.** Уже в предисловии к антологии – «От редактора к читателям» – Брюсов писал: «Истинно прекрасное создали и лучшие из ашуггов, среди которых первое место занимает Саят-Нова, поэт XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткий и, как Мюссе, страстный: один из тех “первоклассных” поэтов, которые **силой своего гения уже перестают быть достоянием целого народа, но становятся любимцами всего человечества**»¹⁰ (здесь и далее выделено мной. – М. Д.). А в своем вступительном очерке Брюсов уже подробно характеризует поэзию Саят-Новы, отметив ее отличительные черты. «Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд – однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотворений, – замечает Брюсов. – Но **какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность!** Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаянья к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника!

⁸ Подробнее об этом см.: **Ս. Հովհաննիսյան, Թումանյանը և հայ գրողների կոլեկտիվայան ընկերությունը**, Եր., 2007, с. 137-149.

⁹ **Туманян О.** Указ. изд. Т. 3, с. 205.

¹⁰ «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». М., 1916, с. 7. Далее указываем страницы издания в тексте.

Поистине **Саят-Нову можно назвать “поэтом оттенков”** <...> Но как, в то же время, остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти “оттенки”: их воспринимаем мы как самые яркие цвета <...> Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах» (с. 62). Затронув вопрос о форме песен Саят-Новы, в которых зачастую повторяются одни и те же слова в каждой строке строфы, Брюсов замечает, что сама эта форма «уже принуждает поэта искать разнообразия в однообразии» (разрядка автора. – М. Д.). Подчеркивает он и особое внимание ашуга к звуковой стороне стиха: «Песни Саят-Новы исполнены ассонансов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров “звукописи”, каких знала мировая поэзия» (с. 63). Т.е. и эту черту поэзии Саят-Новы Брюсов выводит за сугубо национальные рамки. Таким образом, можно сказать, что Валерий Брюсов был **первым**, кто рассмотрел и оценил творчество Саят-Новы как достояние общечеловеческой культуры; кроме того, он **первым** дал удивительно емкое и точное определение поэтики Саят-Новы, назвав его **«поэтом оттенков»**, имея в виду и особенности образного строя его песен, и особенности их формы. Конечно, слова В. Брюсова о Саят-Нове всегда восторженно цитировались армянскими писателями и критиками. Но при этом не было должным образом отмечено и подчеркнута, что его характеристика содержала **новые не только для русского, но и для армянского читателя мысли и оценки**¹¹.

Несколько слов о брусюсовских переводах песен Саят-Новы.

Поэтический перевод, как известно, – дело особой трудности. Что касается перевода песен Саят-Новы, то эти трудности возрастают в несколько раз и кажутся почти непреодолимыми, если учесть отличительные черты языка этих песен и их формы. Переводя Саят-Нову, В. Брюсов исходил из своего общего принципа, сформулированного им в предисловии к антологии «Поэзия Армении». А принцип этот – «точное воспроизведение оригинала в такой мере, чтобы читатель мог доверять переводам и был уверен, что он знакомится с созданиями армянских поэтов, а не русских переводчиков» (с. 16). Итак, главной задачей Брюсова было воссоздать творческую индивидуальность Саят-Новы – его особую, неповторимую интонацию, в которой столько искренности и непосредственности, удивительный мир образов и красок, завораживающую силу звучания. В работах Г. Татосяна и Л. Мкртчяна на основе изучения материалов из архива Брюсова показано, сколько черновых вариантов имели строки его переводов, как добивался он максимального приближения к подлиннику. Г. Татосян, приведя различные варианты строк первой строфы стихотворения «Աշխարհումը արի չիմ րաշի...» и окончательный текст, заключает: «...В результате упорных

¹¹ Об этом сказано только у К. Григорьяна. «Вдумчивый и тонкий анализ поэтики Саят-Нова, данный В. Я. Брюсовым, – писал он, – был откровением не только для русского, но и для армянского литературоведения. Именно эта сторона изучения наследия народного певца долгое время оставалась в тени» // Григорьян К. В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962, с. 63.

творческих исканий получился блестящий перевод, равносильный подлиннику по красоте стиха, яркости и музыкальности»¹². Напомним оригинал и перевод первой строфы:

Աշխարհումըս ախ չիմ քաշի, քանի վուր ջան իս ինձ ամա.
Անճառական ջրով լիքըն օսկե փրճան իս ինձ ամա.
Նըստիմ, վրես շըվաք անիս՝ զարբար վրան իս ինձ ամա.
Սուչս իմացի՛, էնենց սրպանե՛ Սուլթան ու Խան իս ինձ ամա¹³:

У Брюсова:

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне – стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня! (с. 249)

И действительно, перевод этой, как и последующих строф данного стихотворения, показывает, что Брюсов очень тонко уловил и воссоздал характерный ритмический рисунок, интонацию, обилие красок и образов, музыкальность подлинника – все то, что рождено было глубоким и сильным чувством поэта-ашуга, и эти глубина и сила, это поэтическое богатство и своеобразие, несомненно, ощущаются в переводе. Однако есть одно «но». Несколько слов данного текста непонятны русскому читателю. Они отмечены и объяснены в примечаниях: это слова «джан», «пинджан», «пранги-атлас», «конь-Раш», «сусамбар». Что же происходит? Когда перевод Брюсова читают армяне, они восхищенно оценивают его как блестящий, потому что мгновенно воспроизводят в своей памяти оригинал, и им всё понятно. Но ведь перевод предназначен для тех, кто не знает языка оригинала. И русский читатель, как бы он ни восхищался звучностью, музыкальностью, ритмичностью стиха, глубиной выраженного в нем возвышенного чувства, не может воспринимать данный перевод с той же адекватностью и естественностью, как читатель оригинала. Конечно, примечания в тексте перевода – явление обычное и нередко неизбежное. Однако примечания в поэтическом переводе, и тем более – в лирических стихотворениях, крайне нежелательны, они просто снижают уровень художественности: ведь стихи не только читают в книгах, где можно тут же заглянуть в примечание: их учат наизусть, декламируют, а иноязычное, непонятное слово, вторгнувшись в текст, диссонирует с его естественным восприятием... Не говоря уже о том, что в переводах сохраняются некоторые армянские слова, абсолютно сходные по звучанию с русскими, имеющими, естественно, совершенно иной смысл. Так, слово «**яр**», не раз встречающееся в переводах и объясненное Брюсовым в примечаниях как «милая», означает по-русски «обрыв», «овраг», «лощина»; слово «**набат**» (в переводе стихотворения «Ах, почему мой влажен глаз...») русский читатель

¹² Татосян Г. В. Брюсов – переводчик армянской поэзии // Брюсовские чтения 1962 г. Ер., 1963, с. 197.

¹³ Սալաթ-Նովա, Խաղեր, Եր., 1969, էջ 37:

воспринимает прежде всего как сигнал тревоги в случае какого-то бедствия («бить в набат»), в то время как по примечанию Брюсова к слову «набат» выясняется, что это – «кристаллы топленого сахара, лакомство».

И в другие свои переводы Брюсов вносит армянские слова, названия: «матах», «Араз», «шербет», «шамам», «саз», «каманча» и др. Делал он это, по всей вероятности, считая, что таким способом ярче подчеркивается национальное своеобразие подлинника¹⁴. Есть в брюсовских переводах и отдельные смысловые неточности, ошибки. На некоторые из них указал еще Ованес Туманян; позже писали об этом и армянские литературоведы В. Мнацаканян, Г. Татосян¹⁵.

Почти век отделяет нас от брюсовских переводов... Сегодня, оценивая и еще раз подчеркивая несомненно огромную роль Брюсова, ярко воссоздавшего особенности поэтики Саят-Новы, можно сказать, что из всех приемов, использованных переводчиком, неплодотворным, на наш взгляд, оказался лишь один: это наличие в русском тексте (для сохранения национального колорита) оставленных непереуведенными непонятных русскому читателю слов, требующих примечаний.

С 1935 года в Москве началась работа по составлению новой антологии армянской поэзии. Как отмечал В. Кирпотин, «...это опять-таки была инициатива Горького, который добивался создания антологий всех национальных литератур <...> Антология создавалась очень трудно. Только поступит материал – идут телеграммы или письма: снять или добавить то-то и то-то. Эти постоянные изменения списка современных авторов и подборки стихотворений задержали ее на несколько лет»¹⁶. В результате «Антология армянской поэзии» увидела свет только в 1940 году. В нее вошло 22 стихотворения Саят-Новы. Кроме брюсовских, здесь были помещены переводы, выполненные М. Лозинским, С. Шервинским, К. Липскеровым. Однако, по всей вероятности, переводов, подготовленных для антологии,

¹⁴ Любопытен в этом смысле пример, который приводит Л. Мкртчян из архивных материалов Брюсова. «В корректуре “Поэзии Армении”», – пишет он, – 16-я и 20-я строчки стихотворения “Я в жизни вздоха не издам” читались так: “О, дочь огня! Крылатый конь, степная лань ты для меня...; Гвоздика, роза, розмарин и майоран ты для меня!” Исправляя корректуру, Брюсов ввел в эти строчки слова, пусть и непонятные русскому читателю, но имеющие целью подчеркнуть особенности подлинника: “Конь-Раш из огненных зыбей, степная лань ты для меня!”, “Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!”. Выражения “конь- Раш” и “сусамбар” Брюсов объяснил в примечаниях» (См. **Мкртчян Л.** Работа Брюсова над переводами песен Саят-Новы // Саят-Нова в переводах В. Я. Брюсова. Ер., 1963, с. 44–45). Вообще сохранение в тексте перевода иноязычных слов для придания национальной окраски было характерной тенденцией того времени, и тенденция эта довольно долго продержалась: напомним, что и в русском переводе сводного текста армянского эпоса, выполненном в конце 30-х годов, намеренно оставлены непереуведенными некоторые слова и выражения, имеющие русские лексические соответствия. (См. об этом в нашей книге «”Давид Сасунский” в русских переводах и критике». Ер., 2012, с. 89–90, 93).

¹⁵ См. статью Ов.Туманяна «О переводе на русский язык Наапета Кучака и Саят-Новы» в указанном трехтомнике – т. 3 , с. 234–238, а также: **Չ. Մնացականյան.** Բարի գործ // «Գրական բերք», 1961, № 47; **Գ. Թաթրոյան.** Սայաթ-Նովան ռուսերեն // «Անվտանգ գրականություն», 1962, № 6.

¹⁶ «Рассказывает Валерий Кирпотин» // **Мкртчян Л.** Если бы в Вавилоне были переводчики. Ер., 1987, с. 366.

оказалось больше (возможно, некоторые были отклонены исходя из общих принципов состава сборника), потому что еще за год до выхода в свет «Антологии...», т. е. в 1939 году, в московском издательстве «Художественная литература» Саят-Нова был издан отдельным сборником с предисловием С. Арутюняна.

В сборнике «Песни» 1939 года было представлено 33 армянских и 14 грузинских песен ашуга. Среди переводчиков, помимо вышеназванных, встречаем и имя Ю. Верховского. Оценивая сборник в целом, можно сказать, что, конечно же, читатель мог по нему шире представить себе тематику песен ашуга (например, по стихотворениям «Наш мир – окно», «Так жить хочу, чтоб каждым днем обяян был я лишь себе» и др.), почувствовать неповторимость его интонаций, многокрасочность образов, пламень сжигающей его любви. Однако переводчики в основном придерживались брясовских традиций, открывали русскому читателю поэзию Саят-Новы брясовским «ключом». В результате можно назвать удавшимися переводы отдельных строф, строк, но редко какое стихотворение в целом. В самом деле, если отдельные строки переводов содержат непонятные для русского читателя слова, к примеру: «Склони свой слух, **баритавур**», «Красива очень **шахатан** – певца не опорочишь ты», «Что без тебя **сойбат** мне и что мне **саз**?» (с. 30, 36, 37, пер. С. Шервинского), «**Каламкар** ты, что с Инда везли в караване, о джан», «Ты лукаво меня в плен взяла, **назани**», «Весь июль **бюльбюль бюльбулит** песни над прелестной» (с. 54, 55, 73, пер. К. Липскерова) и др., то ясно, что перевод звучит неестественно и не может органически вписаться в принимающую его литературу. Но если даже и все слова оказываются понятны русскому читателю, – нельзя не заметить, что очень уж далеки от поэзии многие строки переводов, к примеру, вот эти:

Рисунок лучших мастеров – в малейшей части у тебя.

Прелестна родинка. Не прядь – силоч для страсти у тебя.

Ты – роза, ты – и соловей, обоих сласть и у тебя.

И – проба золота – уста, душистей масти у тебя.

(Пер. С. Шервинского)

К сожалению, подобных строк в сборнике 1939 года немало. Сравнительно более удавшимися представляются некоторые переводы, выполненные М. Лозинским, из которых можно отметить стихотворения «Отраден голос твой, и речь приятна...», «Я болен от любви к тебе...» и др. И хотя в этих переводах тоже встречаются помеченные примечаниями слова, например: «В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой **шушан**» (с. 29), нельзя не отметить, что, сохранив интонационно-ритмический рисунок и образно-музыкальный строй песен Саят-Новы, Лозинский постарался перевести их по возможности естественно звучащими по-русски стихами:

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная,

Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,

Ведь на тебе и холст простой – ткань парчевая, нежная,

Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Можно сказать, что из новых переводов, помещенных в издании 1939 года, самоценны отдельные строфы и строки из переводов К. Липскерова и М. Лозинского: они живут своей самостоятельной «русской» жизнью, часто цитируются в русских литературно-критических работах о Саят-Нове.

М. Лозинский работал над переводами Саят-Новы с большой любовью и ответственностью. Об этом свидетельствуют его письма литературоведу К. Микаэлян, принимавшему активное участие в создании «Антологии армянской поэзии»¹⁷. Так, в письме от 15 августа 1935 г. Лозинский писал: «Получив от Вас Саят-Нову, я похолодел, но сделал над собой героическое усилие, сел за работу – и работал с наслаждением. Поэзия Саят-Новы – великолепна! Я и раньше знал и любил его» (с. 72). Письма эти показывают также, что Лозинский не соглашался с некоторыми правками Н. Тихонова, редактировавшего переводы. Так, в письме от 24 октября 1936 г. он протестует против правки Тихонова в его переводе стихотворения «Ты ярче сбри золотой...»: «Фиалок ты весна» – совершенно невозможно! Такое словосочетание – антипод всей моей поэтики. Встречая такие места у других, я чувствую себя больным. А у меня их не может быть органически» (с. 72).

В «Антологии армянской поэзии» 1940 г. вошло, как уже указывалось, 22 стихотворения Саят-Новы. Все переводы, за исключением одного, взяты из сборника «Песни». Только стихотворение «Աշխարհս մե փանջարի է» в сборнике 1939 г. дано в переводе С. Шервинского, а в «Антологии...» – М. Лозинского. Так что можно сравнить разные переводы одного и того же текста. На наш взгляд, нельзя отдать явного предпочтения ни одному из этих переводов. У Лозинского в перевод вкрапливаются книжные слова («круговорот», «вспоенный млеком смертный род»), у Шервинского использовано непонятное русскому читателю слово «бюльбюль» (соловей), фраза «чужой народ мне стал не мил» в смысловом отношении далека от подлинника, она просто отсутствует в нем.

Следующим русским изданием Саят-Новы стал «Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен», вышедший в Ереване в 1945 г. с предисловием и под редакцией Г. Абова. Уже по названию сборника видно, что «русский» Саят-Нова обогатился здесь и переводами азербайджанских песен. В предваряющей сборник аннотации «От издательства» говорится, что «настоящее издание сравнительно более цельно, нежели предыдущие, так как оно охватывает творчество Саят-Новы на трех языках». Отмечается также, что в сборнике помещены и впервые переведенные армянские и грузинские песни; кроме того, некоторые уже имеющиеся не вполне удачные переводы заменены новыми.

Новые переводы, опубликованные в издании 1945 г., принадлежат К. Липскерову, В. Звягинцевой, А. Тарковскому. О том, как шла работа над

¹⁷ См.: **Татосян Г.** Лозинский – переводчик Саят-Новы (из писем М. Лозинского) // «Литературная Армения», 1962, № 7. При ссылках на эту публикацию страницы указаны в тексте.

этими переводами, вспоминала В. Звягинцева в своих статьях «Моя дружба с Арменией» и «Высокая любовь»¹⁸. «По-настоящему близко, – читаем в ее статье 1963 г. «Высокая любовь», – узнала я Саят-Нову в 1945 году. Летом, в зеленом, лесистом Цахкадзоре, в маленьком домике, около Дома творчества армянских писателей, днем и ночью скандировались стихи этого поэта, любовно и старательно переводимые нами: покойным К. Липскеровым, А. Тарковским и пишущей эти строки. Как мы были захвачены и очарованы этой страстной и нежной поэзией!» Здесь же В. Звягинцева отмечает: «Каждое стихотворение Саят-Новы – горячий монолог живого, чистого человека. Тут и пылкая, высокая, порою скорбная любовь – влюбленность, тут и требование справедливости, и ноты философской и гражданской поэзии... Саят-Нова – певец такой высокой любви и, может быть, один из самых глубоких, нежных, страстных и искренних поэтов на земле». В другой своей статье 1963 года – «В стране поэзии» – В.Звягинцева писала: «О богатстве мелодий, образов поэта можно говорить без конца. Красочность, трогательность, мягкое остроумие и естественность интонации – поразительны»¹⁹.

Подобная оценка творчества поэта, данная В. Звягинцевой в 1963 году, сложилась еще в 1945-м, в процессе ее работы над переводами, и, как оказалось, в течение почти двух десятилетий почти не претерпела изменений, ибо в 1945 году в своей небольшой статье о Саят-Нове «Наказы певца – народу» она подчеркнула такие стороны его поэзии, как «страстную нежность и благородную человеческую мудрость», отметив и философичность стихов Саят-Новы, а также их особую музыкальность и образность. Статья эта ценна и тем, что В. Звягинцева раскрыла здесь свои принципы работы над переводами Саят-Новы: «...При переводах я стремилась к естественности и ясности русской строки, чтобы не чувствовалась “переводность”, и к передаче эмоциональной приподнятости»²⁰. Для Звягинцевой основной переводческой задачей было естественное звучание русского стиха; при этом ей удалось воссоздать неповторимую интонацию песен Саят-Новы, их особую музыкальность, эмоциональное богатство. Заметим, однако, что сама переводчица вовсе не считала, что Саят-Нова воссоздан на русском языке с адекватной подлинникам художественной силой. В упомянутой уже статье «В стране поэзии» она отмечала: «Конечно, на русском языке, в переводах и старших, ушедших мастеров, и нас – современных поэтов-переводчиков – великий поэт теряет многое <...> И все же, если хоть наполовину дойдет до читателя сила и прелесть Саят-Новы – это уже огромная радость».

И в переводах А. Тарковского встречаются удачно переведенные строфы, естественно звучащие по-русски, воссоздающие образный строй, мелодику стиха Саят-Новы. Однако и в новых переводах, помещенных в сборнике 1945 г., нет почти ни одного стихотворения, которое не содержало бы непонятных русскому читателю слов, нуждающихся в примечаниях. Так что при всем стремлении переводчиков к естественному звучанию русских текстов –

¹⁸ Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арарату, с. 110–111, 126.

¹⁹ Газета «Коммунист» (Ереван), 1963, 26 октября.

²⁰ Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арарату, с. 125.

стремлении, безусловно, очень ценном – удачными в новых переводах издания 1945 г. тоже можно считать отдельные строфы, строки, но не весь переводный текст в целом. А ведь перевод воспринимается и оценивается именно в его идейно-художественной целостности!..

Начало 60-х годов ознаменовано двумя новыми русскими изданиями Саят-Новы. Это вышедший в 1961 г. в Ленинграде в Малой серии «Библиотеки поэта» сборник «Стихотворения», составленный С. Гайсарьяном с его же вступительной статьей, а также сборник «Лирика», вышедший в Москве (ГИХЛ, 1963) с вступительной статьей И. Гришашвили. Московское издание было приурочено к 250-летию Саят-Новы, которое широко отмечалось в 1963 г. по решению Всемирного Совета Мира.

Сборник 1961 г. отличался от прежних русских изданий поэта своим научным характером. В обстоятельной вступительной статье не только представлены основные мотивы поэзии Саят-Новы, но и на конкретных примерах показаны особенности его поэтики, характер образного строя песен, в чем и выразилась могучая творческая индивидуальность великого ашуга. «Переходя от возвышенного к обыденному, – замечает С. Гайсарьян, – он никогда не перешагивает через поэтический предел, за которым уже начинается чистая проза²¹». Автор раскрывает и «тайны» звукового рисунка стихов, их особой мелодичности, основанной на характере рифмовки, звукописи, повторах и др.

Согласно правилам «Библиотеки поэта», в данном сборнике впервые, наряду со словарем незнакомых слов, названий, имен, реалий и др., тексты сопровождалась и примечаниями С. Гайсарьяна. Обновлен был и состав сборника: помимо уже опубликованных в издании 1945 г. песен (кроме грузинской – «Всю душу отдам...» в переводе К. Липскерова), в него вошли и новые, впервые переведенные самим составителем: шесть армянских и одна грузинская. Что касается переводов С. Гайсарьяна, то выполнены они в тех же традициях, которым следовали вслед за Брюсовым русские переводчики Саят-Новы. И в его переводах встречаются незнакомые русскому читателю слова и понятия, нуждающиеся в объяснении. Это и является помехой для целостного эмоционально-художественного восприятия русским читателем переводов, в которых есть, конечно же, естественно поэтично звучащие строфы, строки.

Юбилейное московское издание Саят-Новы 1963 года основывалось уже на сборнике 1961 г. (так, в него вошли все переводы С. Гайсарьяна армянских песен), однако не скопировало его. Грузинский раздел сборника обогащен новыми переводами 16 песен, выполненными В. Потаповой. В этих переводах немало поэтически звучащих строк и строф; кроме того, В. Потапова естественными русскими стихами искусно воссоздала особенности формы стиха Саят-Новы – богатство созвучий, предредифную рифму:

Захочешь душу из души – и нет запрета для тебя!
Все клады мира – для тебя, все страны света – для тебя.

²¹ Гайсарьян С. Саят-Нова // Саят-Нова. Стихотворения. Л., 1961, с. 22. Далее страницы в тексте.

Я сам лишь безыменный раб, добытый где-то для тебя.
Моей сердечной раны след – клеймо и мета для тебя.
И даже года времена – зима и лето – для тебя.

Однако и в переводах В. Потаповой встречаются непонятные русскому читателю слова – **сангури, нарды, чианури, лал, сазандар** и др., а также устаревшие, редко употребляемые и вряд ли естественно звучащие для русского слуха (имеем в виду читателя второй половины XX века) слова, как, например, «доведь». Скажем, строки из стихотворения «Ты – пенная Кура с волной Аракса мутноводной...»:

Что делать, если **нарды** вдруг смешала мне в насмешку,
Убила **доведь**, повела вперед простую пешку? –

нельзя, на наш взгляд, считать творческой удачей переводчицы.

250-летний юбилей Саят-Новы ознаменовался также публикацией в республиканской и всесоюзной прессе статей о великом ашуге русских поэтов и переводчиков Н. Тихонова, С. Шервинского, В. Звягинцевой и др. Хотелось бы выделить статью С. Шервинского «Право на легенду». В небольшой этой статье раскрыта суть народной любви к своему поэту. Как известно, жизнь Саят-Новы обросла легендами, а точных, неопровержимых фактов его биографии очень мало²². По этому поводу С. Шервинский замечает: «Не знаю, как другим, но мне не очень нужны проверенные данные, точные справки о жизни дорогого мне певца». И в самом существовании легенд о поэте автор видит истоки глубокой народности Саят-Новы, истоки непреходящего значения его поэзии. Как пишет Шервинский, «Величие подвига, нравственной высоты, служение народу – вот что обеспечивает право на легенду <...> Возвышенная легенда о Саят-Нове – благодарный ответ народной памяти своему народному певцу». И еще: «Легендарный, возвеличенный народной памятью Саят-Нова будет жить параллельно с историческим автором песен, и первый будет по законному праву затемнять второго»²³.

Спустя почти 20 лет после юбилейного русского издания песен Саят-Новы в 1982 году в Ленинграде, в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел в свет сборник «Стихотворения» со вступительной статьей В. Налбандяна. Составитель и автор примечаний – Г. Татосян. Издание это по сравнению со сборниками 60-х годов отличается прежде всего своим обновленным составом: есть стихотворения, переведенные впервые; есть и заново переведенные стихотворения. Так, в одном только разделе армянских песен –

²² И даже в наши дни, когда отмечается не 250-летний, а 300-летний юбилей поэта, многие факты его биографии подвергаются пересмотру. См.: **Լ. Դուլյան, Սայաթ-Նովա. Եր., 2006.**

²³ Газета «Коммунист» (Ереван), 1963, 26 октября (№ 252).

четыре переведенных впервые и восемь заново переведенных образцов. Новые переводы осуществлены Е. Николаевской, А. Щербаковым, Д. Виноградовым. Естественно, возникает вопрос: привела ли замена уже переведенных текстов к качественному улучшению «русского» Саят-Новы? В ряде случаев на этот вопрос можно ответить утвердительно. Некоторые из них превосходят прежние по естественности звучания, по значительному сокращению в них количества искусственных, «сделанных», далеких от поэзии строк, таких, к примеру, как перевод Ю. Верховского стихотворения «ԱՅ՛՛կ ու ունըրդ լեր իս թողի», помещенный впервые в издании 1939 г. (с. 60).

Вот одна из строф этого перевода:

Рабов не держишь у дверей, царь, слуг разящий, не тая, –
Прими как притчу речь мою, – Венера, мглу разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья.
Руби, пока твой рубит меч, – он, схожий с сардаром точь-в-точь.

Сравним данную строфу с переводом Д. Виноградова в издании 1982 года (с. 97):

Не пощадила ты раба – я волею твоей пропал!
Взошла ты ярко звездой – туман моих речей пропал,
Ты розой расцвела в саду – бедняга соловей пропал, –
Руби, недобрая, сплеча – сардара меч карает так!

Конечно, новый перевод гораздо поэтичнее, но и Д. Виноградов, как и Ю. Верховский, оставил непереуведенным слово «сардар», а в остальных строфах его перевода встречаются и другие непереуведенные слова. И подобная тенденция прослеживается при сравнении других новых переводов с уже имеющимися.

На наш взгляд, традиционное сохранение в русских переводах песен Саят-Новы большого количества транслитерированных слов является помехой на пути естественного восприятия этих песен русским читателем. И как бы переводчики ни старались адекватно передать неповторимую интонацию, особенности формы, музыкальность, богатство, разнообразие и неожиданность образов поэта-ашуга, – читатель, кому адресованы эти переводы, не сможет ощутить художественную силу песен Саят-Новы в полной мере.

Сборник 1982 г. снабжен обстоятельной вступительной статьей В. Налбандяна, которая вводит читателя в круг основных вопросов, связанных с жизнью и творчеством Саят-Новы, рассматривая их на уровне развития саятноваведения к началу 80-х годов прошлого столетия. Ценны и составленные Г. Татосяном примечания. Они предваряются подробной преамбулой, где представлена история «русского» Саят-Новы, а также раскрыты принципы, легшие в основу данного издания. В самих примечаниях не только разъяснены трудные для понимания строки и образы, но и

приводятся факты историко-литературного характера: в частности, при наличии двух или более русских переводов того или иного стихотворения всякий раз отмечается, когда и где были опубликованы прежние переводы. Это оказывает ценную помощь исследователю.

Таким образом, данный сборник явился наиболее полным научным изданием Саят-Новы на русском языке. Издание подобного рода оказалось, увы, последним. Правда, в 1987 г. в Ереване (издательство «Советакан грох») вышел в свет еще один сборник (составление и примечания Г. Татосяна), но по своему составу он почти полностью повторил «Стихотворения» 1982 года.

...Мы проследили путь Саят-Новы к русскому читателю от середины XIX века и вплоть до 80-х годов века XX. Постарались показать, как восприняли и оценили его поэзию русские переводчики; какие задачи перевода этой поэзии на русский язык были решены и какие, на наш взгляд, еще требуют своего решения, для того чтобы русский читатель смог более полно ощутить «особый смысл» и «особый вкус» несравненных песен Саят-Новы.

ՄԱԳՂԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Սայաթ-Նովան ռուսերեն – Հոդվածում լուսաբանվում և քննության է առնվում Սայաթ-Նովայի ճանապարհը դեպի ռուս ընթերցողը՝ XIX դ. երկրորդ կեսից մինչև XX դ. 80-ական թթ.: Արժարժվում և արժևորվում են ռուս բանաստեղծների և թարգմանիչների մտքերն ու կարծիքները Սայաթ-Նովայի մասին: Բացահայտվում են Սայաթ-Նովայի տաղերի վերստեղծման ռուս թարգմանիչների սկզբունքները: Տարբեր օրինակների հիման վրա ցույց է տրված, որ թարգմանություններում պահպանվել են հայ մեծ աշուղի պոետիկայի որոշ հիմնական գծերը, սակայն դեռ առկա են նրա տաղերի ռուսերեն համարժեք վերստեղծման չլուծված խնդիրներ:

MAGDA JANPOLADYAN – Sayat-Nova in Russian. – Sayat-Nova's way to the Russian reader from the second half of XIX century up to the 80s of XX century is considered in this article. The thoughts and opinions of Russian poets and translators about Sayat-Nova are discussed and evaluated. The principles of the Russian poets to recreate Sayat-Nova's poems are disclosed. It is shown on various examples that the main character of the great troubadour's poetics is preserved in the translations, but there are still unsolved problems of recreating their Russian equivalents.